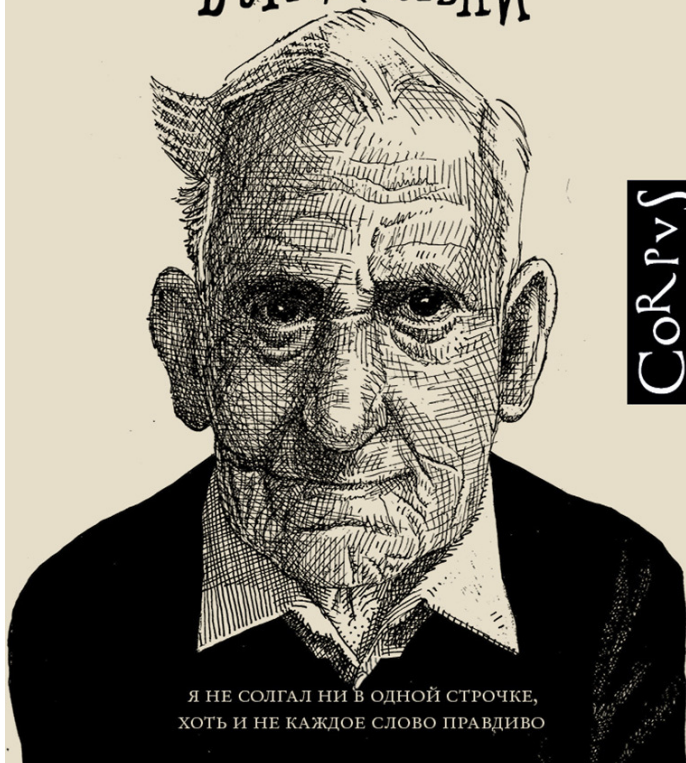

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН НА ТРИДЦАТЬ ЯЗЫКОВ

ЗАПИСКИ
ХЕНДРИКА ГРУНА
ИЗ АМСТЕРДАМСКОЙ
БОГАДЕЛЬНИ

Corpus

Я НЕ СОЛГАЛ НИ В ОДНОЙ СТРОЧКЕ,
ХОТЬ И НЕ КАЖДОЕ СЛОВО ПРАВДИВО

Хендрик Грун

Записки Хендрика Груна из амстердамской богадельни

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/39409528>

Записки Хендрика Груна из амстердамской богадельни / Хендрик Грун:

АСТ : CORPUS; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112409-0

Аннотация

<p>Несколько жизнерадостных и остроумных жильцов амстердамского дома престарелых организуют клуб СНОНЕМ (“Старые, но не мертвые”), совершают совместные “самоволки” – увеселительные поездки, борются с самоуправством директрисы и всеобщей скукой, поддерживают друг друга, дружат и влюбляются. Автор дневника Хендрик Грун также рассказывает о своем прошлом и размышляет о разных аспектах жизни и смерти. Обаятельный старичок обладает феноменальной наблюдательностью, терпимостью, душевной мягкостью и несравненным чувством юмора. Чтение этой книги возвращает нас к забытому ощущению глубины существования, к вере в величие и стойкость человеческого духа.</p>

Содержание

Январь

5

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Хендрик Грун

Записки Хендрика Груна из амстердамской богадельни

Published by special arrangement with Meulenhoff Boekerij
bv in conjunction with their duly appointed agent 2 Seas Literary
Agency and co-agent Anastasia Lester Literary Agency

© Hendrik Groen en J.M. Meulenhoff bv, Amsterdam

© Viktor Meijer, иллюстрация на обложке

© Э. Венгерова, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

Издательство CORPUS ®

* * *

Январь

вторник 1 января 2013 г.

Не люблю я стариков, хоть бы и в новом году. Шаркающая походка, ходунки, неуместное нетерпение, вечные жалобы, булочки к чаю, охи, ахи, стоны.

Мне самому 83 года.

среда 2 января

Просыпалась сахарная пудра. Чтобы протереть стол тряпкой, госпожа Смит сняла блюдо с яблочными блинчиками и поставила его на стул.

К завтраку притопала госпожа Воортхёйзен и всей своей огромной задницей плюхнулась на стул, даже не заметив блюда с блинчиками.

Только когда госпожа Смит стала искать блинчики, чтобы вернуть их на место, кому-то пришла в голову идея заглянуть под госпожу Воортхёйзен. Та встала, а три блинчика прилипли к ее цветастому платью.

– Они отлично вписались в узорчик, – сказал Эверт. Я чуть не задохнулся со смеху.

Отличное начало нового года. Им бы всем развеселиться, а они три четверти часа выясняли, кто виноват. На меня со всех сторон глядели косо, ведь я не скрыл, что нашел происшествие забавным. А я... я забормотал извинения. Нет чтобы расхохотаться еще громче, я забормотал извинения.

Я, Хендрикус Герардус Грун, всегда корректен, участлив, дружелюбен, учтив и готов прийти на помощь. Не потому, что я именно таков, а потому, что не могу иначе. Я редко говорю то, что хочу сказать. Всегда выбираю обходной путь наименьшего сопротивления. Мои родители весьма дальновидно называли меня Хендриком, лучше и придумать нельзя. “Знаете Хендрика? Ну, того, кто всегда при встрече та-а-ак любезно снимает шляпу?” Вот это я и есть, настоящий паймальчик.

Хендрик, ты совсем раскис, сказал я себе. И принял решение: они еще услышат о настоящем Хендрике Груне. Я буду целый год пристально и неподцензурно наблюдать жизнь нашей богадельни в районе Амстердам-Север.

Если не доживу до конца года, значит, не судьба. В этом случае попрошу моего друга Эверта Дёйкера прочесть некоторые заметки на моих похоронах. Когда меня, неподвижного и обмытого, ввезут на катафалке в маленький зал крематория “Горизонт”, пусть воцарится неловкая тишина и хриплый голос Эверта огласит перед ошеломленной публикой несколько забавных пассажей из этого дневника.

Правда, меня заботит одна проблема: вдруг Эверт помрет

раньше меня?

С его стороны это будет неучтиво. Прежде всего потому, что у меня болячек и опухолей больше, чем у него. Раз у тебя есть лучший друг, ты имеешь право на него рассчитывать. Нужно обсудить с ним это дело.

четверг 3 января

Эверт воспринял мою идею с энтузиазмом, но не пожелал гарантировать, что проживет дольше меня. К тому же у него возникли некоторые сомнения. Во-первых, он опасается, что после публичного чтения моего дневника ему, по всей вероятности, придется искать другое место жительства. Во-вторых, он боится за свою вставную челюсть. Последнее обстоятельство связано с нечаянным ударом Верметерена во время игры на бильярде. У него на правом глазу завелась катаракта, и с тех пор Эверт помогал ему прицеливаться. Как самый опытный игрок стоял у него за спиной, чтобы давать указания, водя носом на уровне кия. “Чуть-чуть влево, – руководил он, – и сместить немного пониже и...” Не успел Эверт закрыть рот, как Верметерен тупым концом своего кия угодил ему прямо в челюсть. В самую середину. Карамболь!

Челюсть Эверта нуждается в ремонте. Я с трудом его понимаю, потому что она все время соскальзывает. Чтобы выступить с декламацией на моих похоронах, ее необходимо починить. Но не тут-то было. Зубной техник ушел в запой.

Двести тысяч евро в год, роскошная ассистентка, каждые четыре месяца тур на Гавайи – и все-таки переутомление. Как такое возможно? Наверное, ему осточертели фальшивые старые зубы, в которых остатки еды застревают иногда так долго, что в них, как говорится, черви заводятся.

Пончики, которые подают в гостинной, в этом году были куплены в магазине сниженных цен. Вчера вечером я из вежливости взял один и потратил на него двадцать минут. И мне еще пришлось сделать вид, будто у меня развязался шнурок, лезть под стол и засовывать обьедок себе в носок. Полная ваза этого добра так и осталась на столе. Обычно все, что здесь подается бесплатно, сметается в момент.

Кофе накрывают в гостинной в 10.30. Если в 10.32 кофе все еще нет, собравшиеся обитатели дома начинают демонстративно смотреть на часы. Как будто их ждут великие дела. За чаем, который сервируют в 15.15, история повторяется.

А самый животрепещущий вопрос дня: какая сегодня выпечка? Вчера, например, и позавчера и к кофе, и к чаю подавали черствые пончики. Ведь “мы”, разумеется, еду не выбрасываем. Лучше уж запихнем ее в рот.

пятница 4 января

Вчера я прогулялся до цветочного киоска и купил луковицы в горшке. Если проживу еще неделю, пока взойдут гиацинты, то еще раз увижу весеннюю красоту. В большинстве

комнат этого дома до апреля стоят рождественские еловые ветки. И рядом с ними какой-нибудь дряхлый бессмертник и полудохлая примула. “Жалко выбрасывать”.

Если где-то природа и поднимает настроение, то во всяком случае не в гостиной (она же спальня) нидерландского старика. Тут состояние комнатного растения достоверно отражает ситуацию, в какой обретается его владелец – унылое ожидание смерти. От нечего делать или по забывчивости старики поливают бедное растение по три раза на дню. Такого и самый стойкий бессмертник не выдержит.

Госпожа Виссер пригласила меня завтра в полдень на чашку чая. Мне бы отказаться, очень уж от нее воняет, но я сказал, что с удовольствием к ней загляну. А полдень близится. Господи, какой же я тюфяк. В решающий момент мне не пришла в голову хоть какая-то отговорка, так что меня с неизбежностью ожидают большое блюдо сплетен и черствый пирог.

Самый мягкий пирог она умеет очень быстро превратить в пыльный картон. Как ей это удастся, для меня загадка. Чтобы проглотить один кусок, мне нужно выпить три чашки чая. Завтра совершу подвиг – откажусь от второго куска. Начну новую жизнь. С нового листа. В начищенных до блеска ботинках. Этим я и занимался половину утра. С ботинками я справился довольно быстро. Больше всего времени ушло на то, чтобы удалить ваксу с рукавов рубашки. Зато теперь они сверкают. Ботинки. А рукава я просто засучил. Их уже не

отчистить. На это последует комментарий: “Где это вы всегда так пачкаете рукава, господин Грун?!” Здешняя жизнь состоит *изникогда* и *всегда*. Сегодня еда “никогда не подается вовремя и всегда слишком горячая”, а завтра “всегда подается слишком рано и никогда не подогревается”. Однажды я тактично напомнил людям об их прямо противоположных прежних высказываниях, но логика здесь не в чести. “Опять вы умничаете, господин Грун”.

суббота 5 января

Вчера снова за ужином был праздник: в меню значился индонезийский рис с овощами и курицей – нази-горенг. Большинство старых холостяков и старых дев предпочитает стандартные блюда, экзотические изыски у них не катят. Они отказались от них еще в 60-х годах. Тогда в Нидерландах входили в моду спагетти, но они не вписывались в обязательную программу: по понедельникам цикорий, по вторникам цветная капуста с кашей, по средам котлеты, в четверг сахарная фасоль, в пятницу рыба, в субботу суп с хлебом и в воскресенье ростбиф. Когда у наших едоков разыгрывался зверский аппетит, они съедали котлеты во вторник и весь остаток недели пребывали в полном замешательстве.

Заграничные выкрутасы не про нас. Мы привыкли заранее, за неделю, выбирать из трех различных блюд, но на этот раз что-то не заладилось. Вчера по непонятной причине в

мению значился только нази-горенг. Какая-то накладка с доставкой. Наш повар был явно ни при чем.

Так что мы поневоле выбрали нази. Те, кто сидел на строгой диете, получили хлеб. Поднялась волна возмущения. Госпожа Хоогстратен ван Дам (она настаивает, чтобы к ней обращались только так) ограничилась тем, что выковыряла оттуда кусочки яичницы; ван Гельдер нази принципиально *“не жрал”*, зато справился с целой миской маринованных овощей; толстяк Баккер громогласно потребовал подливки к своему рису. Мой друг Эверт (когда ему надоедает собственное кулинарное искусство, он ест с нами) предложил ничего не подозревающим сотрапезникам острую приправу: “Не желаете ли немного кетчупа к вашему рису?” Он и бровью не повел, когда доверчивая госпожа де Прейкер после этого закашлялась и уронила в маринад свою искусственную челюсть.

Ее увели, и немного погодя Эверт прошелся по кругу, примеряя всем подряд ее зубы, словно хрустальные башмачки Золушки. Он прикинулся невинной овечкой, когда заотделением вызвала его на ковер. Даже пригрозил обратиться в службу контроля за качеством товаров, потому что-де обнаружил искусственную челюсть в банке с маринованными овощами.

Перед обедом я успел заглянуть на чай к госпоже Виссер. Ее болтовня еще хуже, чем ее чай. Я ей сказал, что не ем выпечки, доктор не разрешил. А почему не разрешил? Потому

что у меня высокий сахар. От 20 до 25. Я нес несусветный вздор, потому что злился на самого себя, но она нашла нашу беседу весьма содержательной. И мне пришлось взять с собой три куска пирога на случай, если сахар придет в норму. Теперь они лежат в аквариуме на третьем этаже.

воскресенье 6 января

Из меня все больше капает. На белых кальсонах желтые пятна очень заметны. Желтые кальсоны были бы куда лучше. Я немного стесняюсь дам из прачечной. Так что в настоящее время вручную оттираю самые злостные пятна. Провожу, так сказать, предварительную стирку. Если я не сдам белье в прачечную, то вызову подозрения.

“Вы когда-нибудь надеваете чистое белье, господин Грун?” – спросит меня толстая дама из хозяйственной службы.

“Нет, толстая дама из хозяйственной службы, эти кальсоны так прикипели к моей старой корме, что я, кажется, буду таскать их до конца жизни”, – с удовольствием отвечу я.

Трудный выдался день: все тело трещит по швам. Ничто не может остановить износ старого корабля. С каждым днем принимаешь на борт все меньше груза, но на самом деле разваливаешься. Постепенно. Вот уж и волосы перестали расти. Во всяком случае на голове, зато в носу и ушах – сколько угодно. Но забитые бляшками сосуды уже не чистятся. Ни

одна шишка не исчезает, и нижний кран непрерывно протекает. Одностороннее движение по направлению к ящику, вот что это такое. Ты никогда не молодеешь — ни на день, ни на час, ни на минуту.

Сидишь и хнычешь, старая развалина? Но хныкать лучше внизу, в гостиной. Там это развлечение номер один. Не проходит и получаса, как начинаются разговоры про какую-нибудь болячку.

Похоже, я малость захандрил. Нет чтобы ценить старость, наслаждаться ею, но это чертовски редко удается. Пойду прогуляюсь. В конце концов сегодня воскресенье. А потом под добрую рюмку коньяку немного послушаю Моцарта. Может быть, загляну к Эверту, его дурацкие выходки оказывают на меня благотворное терапевтическое воздействие.

понедельник 7 января

Оказывается, вчера началось расследование скоропостижной смерти рыб на третьем этаже. В воде еще плавали остатки пирога госпожи Виссер. С моей стороны было глупо бросать пирог в аквариум. Если до ее ушей дойдет, что рыбы скончались от передозировки размокшего пирога, следы преступления прямиком приведут ко мне. Я должен подготовить линию защиты, а именно заглянуть за советом к адвокату Дёйкеру. Эверт — эксперт по части лжи во спасение.

В нашем доме запрещается держать домашних животных,

за исключением рыбок и птичек “размером не более 10 и 20 сантиметров, соответственно”. Так указано в правилах внутреннего распорядка, чтобы нам не вздумалось заводить акул и орланов.

Стариков безжалостно разлучали с их собаками и кошками. Какими бы тихими и спокойными, старыми и немощными ни были четвероногие, правила есть правила: в приют! в Дом Заката!

“Нет, мадам, нет. Мало ли что Раккер единственное в мире существо, к которому вы привязаны. Мы не можем ни с того ни с сего делать исключения”.

“Ваша кошка действительно целый день лежит на подоконнике, но если мы пустим сюда хоть одну кошку, завтра у нас разлягутся на подоконнике три датских дога. Или один лиловый крокодил”.

Госпожа Бринкман – здешний чемпион: она умудрилась семь недель прятать старую таксу в шкафчике под раковиной. Но ее все-таки обнаружили.

Вероятно, имел место донос. Только подумать, все пережили войну и выдали-таки директрисе престарелую собачку. А директриса, вместо того чтобы с позором упечь в тюрьму гада-доносчика, предпочла отправить в приют собачонку. Та промучилась еще два дня и скончалась. Где же были защитники животных?

Директриса сочла за благо скрыть эту мелкую подробность от ее хозяйки. Когда госпожа Бринкман через три

дня выяснила, на каком трамвае можно доехать до собачьего приюта, ее собачка уже лежала в сырой земле. Госпожа Бринкман расспрашивала всех, нельзя ли после ее смерти перехоронить рядом с ней собачку. И слышала решительный ответ: “Это не по правилам”.

Завтра утром мне нужно к доктору.

вторник 8 января

На доске рядом с лифтом вывешено объявление, что в аквариуме на третьем этаже обнаружено большое количество пирога. Рыбы, наевшись пирога, передохли. Каждый, кто может пролить свет на это событие, пусть срочно обращается к заведующей отделением госпоже де Рооз. По желанию конфиденанта будет соблюдена анонимность.

В 11 часов я явился к госпоже Рооз. Фамилия досталась ей явно по иронии судьбы. Ей больше подошла бы “Крапива”. По логике вещей, уродливые люди в порядке компенсации должны вести себя особенно учтиво. Но в данном случае имеет место нечто прямо противоположное. Она несокрушимая каменная стена плача. Ну да ладно. Итак, госпожа де Рооз.

Я сказал ей, что, возможно, смогу дать некоторое объяснение казусу с пирогом. Она тотчас наострила уши. Я сказал, что не хотел обижать госпожу Виссер, отказываясь от ее самодельного пирога, что положил клейкую массу на тарел-

ку, а тарелку оставил в кладовке на третьем этаже. С самыми лучшими намерениями. Полагая, что кто-нибудь из жильцов воспользуется моим анонимным подарком. К сожалению, я вынужден констатировать, что пирог каким-то образом оказался в аквариуме, а моя голубая тарелка исчезла.

Де Рооз слушала меня с нескрываемым недоверием. Почему же я сам его не съел? Почему оставил именно на третьем этаже? Кто-нибудь может подтвердить мои слова? Я попросил, чтобы разговор остался между нами. Она ответила, что постарается что-нибудь для меня сделать. И тут же принялась выяснять, каким образом госпожа Виссер смогла сама испечь пирог. Печь и варить в комнатах строго воспрещается. Я поспешил сказать, что не уверен, что пирог был самодельным. Поздно: расследованию был дан ход. Я утрачу симпатию госпожи Виссер, что, конечно, еще не катастрофа. Но подозрение падет на все наше ни в чем дурном не замеченное отделение. Так что пищи для сплетен хватит на несколько недель.

И к доктору я не попал. Он заболел. Если к понедельнику он не выздоровеет, кто-нибудь его заменит. В экстренных случаях можно обратиться к врачам из соседнего дома престарелых. Некоторые лучше умрут, чем будут демонстрировать свой скрюченный позвоночник “шарлатану из Дома Сумерек”. Другие мечтают, чтобы из-за каждого чиха за ними прилетал санитарный вертолет. Мне это без разницы. Не все ли равно, какой доктор скажет, что тут уж ничего не подела-

ешь.

среда 9 января

Все-таки вчера из-за возни сдохлыми рыбами я был немного не в себе. От кофе госпожи Виссер и нервотрепки у меня случился понос. И я половину утра просидел в клозете со старым портфелем газетных вырезок (позаимствовал их в гостиной).

Гостиная – комната, где гости беседуют. Красиво звучит. Но одно дело – флаг, а другое – груз. Какие уж там беседы. Правильнее было бы написать на двери три “с”: стоны, сплетни, сожаленья. Расписание на день для некоторых. Заходил Эверт. Через дверь клозета он ввел меня в курс последних событий: теперь никто никому не доверяет и каждый видит в любом соседе потенциального убийцу рыб.

Мое отсутствие вызвало подозрения. Я поинтересовался у Эверта, не может ли он ненавязчиво оповестить о моем поносе как о некой разновидности алиби. Сам я мало что могу сделать, разве что ненадолго приоткрыть дверь в клозет и дверь на лестницу. Я всегда проветриваюсь и вообще доволен своей персоной, но сейчас меня мутит от себя самого. Мутит вдвойне. Потому что я все-таки, в сущности, расчетливый говнюк. Метафора, весьма подходящая к случаю.

Да, пора мне проветриться. Я сутки просидел на сухарях и активированном угле, так что снова могу пойти на прогул-

ку. Поищу чистотел, ведь, как сообщают газета и календарь фенологических примет, это первый признак весны. Если, кроме чистотела, найду еще мать-и-мачеху, купырь и мартовскую фиалку, то весна станет очевидным фактом. Но я понятия не имею, как эти растения выглядят.

Природа опередила сама себя на шесть недель. Но для перелетных птиц, которые твердо решили в этом году оставаться дома, есть плохая новость: грядет похолодание.

четверг 10 января

При нашем доме имеется красивый сад. Но он почему-то на замке. Зимой нас туда не пускают. На всякий случай. Дирекции лучше знать, что нам на пользу.

Стало быть, в это время года приходится дышать свежестью ближайшего окружения. Мрачная застройка конца шестидесятых. Скучные полосы зелени используются в качестве мусорных баков. Можно подумать, что по ночам здесь разъезжают фургоны городской службы очистки, которые не собирают мусор, а рассовывают его по улицам и скверам. Бредешь по морю консервных банок, оберток от чипсов и старых газет. Почти все первые жильцы здешних многоэтажек перебрались в таунхаусы Пюрмеренда или Алмере. Остались только те, кому переезд не по карману. Освободившиеся квартиры заселили турки, марокканцы и суринамцы. Не слишком приятная социальная смесь.

В настоящее время, выходя в рейс, я рассчитываю сделать два перехода примерно по 500 метров. На полпути сажусь на мель, то есть на скамейку. Дальше идти не рискую. Мир сокращается. От дома я проложил четыре разных круговых маршрута длиной примерно в километр.

Только что заходил Эверт. Он в полном восторге от суматохи вокруг дохлых рыб и планирует подлить масла в огонь. Хочет предпринять вторую атаку, на сей раз с еврейским песочным печеньем. Но в здешних магазинчиках наверняка запомнили бы его покупку. Поэтому вчера он проехал несколько километров на автобусе, чтобы купить песочное печенье в ближайшем супермаркете. Теперь оно лежит у него в шкафу. Я спросил, надежное ли это место. “Это свободная страна, – сказал он. – И каждый может прятать у себя дома столько печенья, сколько захочет”. С выпечкой у меня проблемы, но идея с еврейским печеньем была великолепной, ведь оно розовое. Эверт ожидает особого цветового эффекта.

суббота 12 января

Наша директриса, госпожа Стелваген (мы еще не раз ее упомянем), ввела единое правило для окружающей среды: температура в комнатах жильцов не должна превышать 23 градусов. Если старикам холодно, пусть надевают куртки, распорядилась она. Одна из жилищек, старушка из Индии, доводит температуру до 27 градусов. У нее в комнате повсю-

ду стоят миски с водой для увлажнения воздуха. Тропическим растениям это идет на пользу. Для комнатных растений температурный максимум пока не установлен, но я предполагаю, что Стелваген над этим работает.

Госпожа Стелваген всегда любезна, готова выслушать и подбодрить каждого, пряча под маской сострадания нездоровую дозу самолюбования и тирании. Ей сорок два, она хозяйничает здесь полтора года, пробиваясь наверх подхалимством или нахрапом, в зависимости от того, с кем имеет дело. Вот уже год, как я веду за ней пристальное наблюдение.

У меня есть надежный источник информации: ее секретарша госпожа Аппелбоом. Аня Аппелбоом 23 года проработала у прежнего директора господина Лемера (во время последней волны слияний он не удержался в кресле и досрочно ушел на пенсию). Стелваген понизила Аню в должности, назначив нового начальника канцелярии. Ане осталось до пенсии два года, и она твердо решила не прогибаться перед директрисой. У Ани пока еще есть доступ ко всем официальным документам и конфиденциальным записям. Несколько лет назад она была моей соседкой и спасла меня от отправки в приют для бездомных, устроив сюда. Может быть, спасет еще раз.

По четвергам с утра я частенько захожу к ней на кофе. Директриса и начальник канцелярии в это время сидят на производственном совещании заведующих секторами с региональным директором. (Стелваген мечтает стать для нача-

ла региональным директором.) Обычно мы с Аней беседуем о том о сем, и в какой-то момент она не выдерживает, спрашивает: “Не проболтаешься?” После чего выкладывает подробности о махинациях Стелваген. Так что кой-какой компромат на директрису мы собрали.

воскресенье 13 января

Вчера вечером Эверт подбросил в аквариум на втором этаже шесть розовых печенек. Золотые рыбки налопались и полопались. Между остатками печенек плавают их трупы. В доме разразился жуткий скандал.

Когда подали кофе, Эверт вышел как бы в туалет, поднялся на второй этаж, осмотрелся и бросил в воду спрятанные под пиджаком печеньки. Совать пластиковый пакет в мусорный бачок было довольно глупо, ведь это улика, но, к счастью, сегодня утром уборщица уже вынесла весь мусор. Аквариум стоит в довольно темном углу, и вчера вечером никто ничего не заметил. Вся операция была, конечно, рискованной. Если бы его поймали, ему пришлось бы немедленно вызывать грузовой фургон и съезжать с квартиры. Может, в глубине души ему и хотелось, чтобы его застали на месте преступления. Тогда он стал бы отпираться, изворачиваться – и в самый последний момент пошел бы на попятный. Он считает, что играть нужно только так. Согласно его философии, жизнь не что иное, как наиболее приятный способ уби-

вать время. Это и есть свобода. Я ему завидую. Но я быстро учусь.

Вчера я сильно нервничал, потому что Эверт заранее сообщил мне о теракте, чтобы я смог обеспечить себе надежное алиби, что оказалось нелегко. Пришлось довольно долго ждать в гостиной, пока, наконец, двое жильцов с моего этажа не собрались наверх. “Я с вами. Ну, за компанию”. Господин и госпожа Якобс посмотрели на меня как-то недоверчиво.

Утром, сразу после девяти, поднялась тревога. По дороге в церковь госпожа Брандсма увидела, что рыбы плавают вверх брюхом. Кажется, была попытка замаять эту историю, но госпожа Брандсма поведала ее всем, кого встретила по дороге к дежурной сестре. Тут же ко мне в дверь постучал мой сосед:

– Представляете, я слышал...

Интересно, о чем пойдут разговоры за кофе.

понедельник 14 января

Еще одно трагическое происшествие, связанное с животными. Госпожа Скрёйдер чистила клетку с канарейкой и нечаянно втянула птичку в пылесос. Дрожащими руками она несколько бесконечных минут пыталась открыть пылесос. А когда открыла, от ее веселой свиристелки почти ничего не осталось. Ей надо было сразу выключить пылесос. Пташка потрепыхалась еще несколько минут и испустила

дух. Скрёйдер безутешна и истерзана угрызениями совести.

Помощь персонала состояла в том, что страдальце посоветовали как можно скорее убрать клетку.

Здесь у нас каждый имеет особое мнение насчет печенья в аквариуме. Но спросите кого-нибудь, что он думает о войне в Сирии, он посмотрит на вас так, словно вы предложили ему прокомментировать теорию относительности. Несколько плавающих вверх брюхом рыбок волнуют нас куда сильнее, чем целый автобус с женщинами и детьми, взорванный в далекой стране.

Чтобы не прослыть ханжой, не стану отрицать, что на полную катушку наслаждаюсь скандалом с рыбами. Переполох, охвативший большинство здешнего населения, весьма впечатляет. Так что я опять отправляюсь в гостиную, чтобы принять участие в светской беседе о дохлых рыбах.

Снова наступила зима. Еще не упало ни единой снежинки, но вчера я уже видел на улице первого старика в шерстяных носках поверх ботинок. Чтобы не поскользнуться.

вторник 15 января

Выпал снег, первый в этом году. Это означает, что никто не высовывает носа за дверь и все делают запасы. В нашем магазинчике внизу не купишь ни печенья, ни шоколадки. Прямо как в военное время. К счастью для современной молодежи, мы – последние, кто пережил войну, и скоро изба-

вим ее от вечных стариковских историй о супе из тюльпановых луковиц и о семичасовой беготне в поисках пучка моркови.

Всего скончались семь рыбок. Вчера вызывали полицию. Два юных сотрудника понятия не имели, что им делать. Ничего похожего на успешное расследование, как его показывают по телевизору. Сначала они со всех сторон осмотрели аквариум. Как будто прикидывали, нельзя ли оживить рыбок.

– Да, сдохли, – сказал один.

– Вероятно, объелись печенья, – сказал другой.

Директриса распорядилась оставитьдохлых рыб в аквариуме – в качестве улики. Возможно, она ожидала патологоанатома. Не берусь судить. Во всяком случае, полицейские предпочли поскорее смыться. Директриса, повысив тон, потребовала углубить расследование, но молоденький полицейский сказал, что для этого требуется подать заявление.

– А нельзя ли приступить немедленно?

Никак нет, только по заявлению. Надо принести его в участок или послать по интернету.

– Но что тогда будет с трупами?

Полицейский предложил выбросить их в мусорный бак. Только не оставлять их там надолго. Или спустить в унитаз. Всего наилучшего.

И господа полицейские с поклоном удалились, а госпожа Стелваген так и осталась стоять с открытым ртом. В полном шоке.

– Возмутительно! Возмутительно. Так не ведут себя с гражданами!

Приятно было слушать, как она бесится. К счастью, ее власть не простирается за стены этого дома.

среда 16 января

Заходил Эверт. Чтобы не торчать в гостиной, мы прогулялись по снегу: пять минут бредем, пять минут отдыхаем. Становится неизбежным выбор иного способа передвижения. Имеются три соблазнительные возможности: ходунки, трехколесный скутмобиль или мотоколяска “Santa LX”.

На прошлой неделе здесь, на углу у школы, рядом с маленькой “кантой”, торчал паренек лет шестнадцати-семнадцати. На этой красной, как помидор, машинке он развозил по домам школьные ранцы хороших одноклассниц. (Сами девушки ехали следом на велосипедах.) “Канту” он шутики ради не совсем легально позаимствовал у своей бабушки. Я еще не встречал молодых людей, которые в шутку катались бы на скутмобиле или бегали за ходунками. По этой причине мой предварительный выбор падает на подержанную “канту”. И тогда я присоединюсь к обществу всех невероятно дурных водителей, разъезжающих на таких развалюхах.

Недавно одна “канта”, не тормозя, въехала в супермаркет и остановилась среди всевозможных тянучек и упаковок

сливочного масла. Двух толстух в полном шоке прижало к ветровому стеклу. Их собачку заклинило под педалью тормоза. Действительность превосходит всякую фантазию.

У нас в доме почти каждый разговор вращается вокруг снега или великого умерщвления рыб. Старики развивают самые фантастические теории заговора и высказывают самые нелепые подозрения. Двое жильцов примерно во время убийства опознали госпожу Гретье Д. в коридоре, где стоит означенный аквариум...

То, что в этом коридоре расположена ее комната и она не могла проникнуть в здание через окно на втором этаже, для людей не аргумент. Бедная Гретье, воробышек весом в сорок кило, которая всегда робко отводит глаза. Она и муху не обидит, не то что птичку или рыбку.

После визита полиции директриса устроила собрание, “чтобы немного снять напряжение”. Она сообщила, что “для проформы” будут тщательно обысканы все комнаты на втором этаже. Как будто комната злодея все еще усеяна остатками печенья. Никто не спросил у директрисы, какое она имеет право обыскивать комнаты. Я тоже не спросил. Не осмелился.

За кофе были шепотом высказаны предположения, что комнаты на других этажах уже были тщательно обысканы. И все энергично закивали головой: “В самом деле”.

четверг 17 января

Перечитал свой дневник. Может быть, я немного сгущаю краски. Ведь и здесь есть славные люди! Естественно, мой друг Эверт. Он живет в отдельной квартире со своей собакой, старой, ужасно ленивой, дружелюбной, очень умной, беспородной собакой по кличке Магомет. Когда Эверта уж слишком терзает его подагра, Магомета выгуливаю я. Выгуливаю хило, если иметь в виду радиус моего действия. Но радиус действия Маго еще меньше. Обходим один раз во-круг дома – и все. Опрыскаем десяток деревьев и раз в день выдавим на травку одну какашку, которую я должен сгрести в пластиковый пакет, поскольку за мной следят из десятка комнат. Если я оставлю какашку на травке, наблюдатели передерутся друг с другом, ведь каждому хочется донести на меня первым.

Есть еще Эдвард. Он неразговорчив. После инсульта его трудно понимать. Он тщательно подбирает свои неразборчивые слова. Но если он заговорил, можете не сомневаться, что не зря несколько раз переспросили: “Что ты сказал?” Время, сэкономленное на разговорах, он использует для проницательных наблюдений.

Гритье: прелесть, дружелюбная и сочувствующая, без влезания в душу.

Граме, последний из этого списка избранных. Он кажется

неуверенным в себе интровертом, но всегда высказывается по существу, причем вы на него не злитесь.

С этими людьми приятно сидеть за кофейным столом. И происходит это более или менее само собой. Ведь такая ерунда, как сидеть или не сидеть за одним столом, осуществляется по строгим неписаным правилам. У каждого постоянное место: за столом, при игре в бинго, во время “движения под музыку”, в центре медитаций. Если хочешь вызвать к себе ненависть, попытайся занять чье-либо место. И занимай его до тех пор, пока не появится этакий старый малыш, который станет рядом с твоим стулом и заявит:

– Здесь сижу я.

– Ну, по-моему, вы как раз стоите. Прямо у меня перед носом.

Если ты еще раньше, приблизившись к пустому стулу, со всех сторон не услышал: “Там сидит госпожа такая-то!”

После чего здесь принято извиняться и перемещаться дальше. А следовало бы занять пустой стул и сказать, указывая на другие пустые стулья:

– Сегодня она посидит где-нибудь там или пусть катится на все четыре стороны!

пятница 18 января

Объявленный директрисой запрет на поездки действует вот уже три дня. Понятное дело: повсюду караулит перелом

шейки бедра. А значит, настроение у всех подавленное. Не то чтобы жильцы дома постоянно гуляют, если на улицах нет гололеда, но большинство совершает ежедневные прогулки в магазин, на почту или в парк. И когда что-то запрещается, потребность в этом растет. Сегодня старики сидят у окна, глядят на снег, который не желает таять, и жалуются на мэрию: мостовые расчищены, а на тротуарах и велосипедных дорожках осталась бурая слякоть. Она-то их и пугает.

Персонал убрал снег с тротуара перед домом, так что можно беспрепятственно дойти от парадной двери до стоянки многоместных такси “Коннексион”. Но мучительная неопределенность насчет того, с чем ты столкнешься, когда такси доставит тебя к цели, вынуждает большинство торчать дома. У страха глаза велики.

Буря вокруг рыб немного улеглась. Все ждали чего-то, что отвлекло бы от скорбных воспоминаний. И вот, благодаря снегопаду, пронесся слух, что районная администрация повысит плату за парковку. Старики боятся, что посещений станет меньше, ведь их детям придется бросать в счетчик лишний евро.

Не хотел бы я иметь детей, которые из-за одного паршивого евро будут приезжать ко мне еще реже. Когда я за кофе весьма осторожно облек эту мысль в слова, все решили, что мне легко говорить, потому что у меня нет детей и меня все равно никогда никто не навещает.

В этом есть зерно истины. Почти все имена в моем кален-

даре дней рождения помечены крестиком. О двух без крестика я не знаю, живы ли еще эти люди. А кое-кто забыл, кто такой. Помнят только Эверт да Аня. Гритье и Граме в календаре не значатся. Так что список моих друзей не впечатляет. Либо я сам безвременно скончаюсь, либо меня уморит длинный ряд похорон. Мне предстоит еще максимум пять похорон, не считая тех, на которые я приду из вежливости.

суббота 19 января

Пятница – день гимнастики “Красивые движения”. Старые клуши в нелепых спортивных костюмах шаркают по коридорам, направляясь в “гимнастический зал”. Похоже, дамы забыли всякий стыд, и зрелище это не слишком приятное. Розовые легинсы на тонких костлявых или толстенных распухших ногах, майки в обтяжку на жалких остатках того, что некогда было грудью. Увядание напоказ, витрина уцененного товара. И я, кавалер весьма преклонных лет, туда же, какие уж тут красивые движения.

Место действия – тесный, запущенный зальчик для собраний, где столы сдвинуты к стенкам, а стулья расставлены по кругу. Движение происходит в основном на стульях, чтобы не задеть головы тех, кто ездит в инвалидных креслах. Под веселенькую музыку публика немного машет руками и ногами и кричит. И во весь голос сообщает о муках, мешающих выполнять заданные упражнения: “Я не могу, у меня желу-

док”.

Дальше наступает время для игры в мяч. Скажем так: мяч тут не главное. Главное – голосовые связки зрителей, издающих одобрительные вопли при малейших успехах игроков. Так мамаша неуклюжего сопляка, который после двадцатой попытки наконец-то поймал мяч, хлопает в ладоши и орет: “Вот это дааааа! Мо-ло-дец!!”

Но следует признать, что атмосфера на поле была спортивной. На самом деле вчера я впервые участвовал в подобном мероприятии. И в последний. После выступления инструкторша (“Зови меня просто Тина”) очень настойчиво приглашала приходить на следующей неделе. Но я сразу сообщил ей, что мой приход был единственным и неповторимым.

– Это почему же? – недоверчиво спросила она.

– Потому что вокруг столько женской красоты, что я не могу сосредоточиться на упражнениях. Меня прямо бросает в дрожь. – Я сказал это, не подумав. И только задним числом сообразил, что ляпнул лишнее. И кто меня за язык тянул?

Черт, я чуть сразу не проболтался, где у меня свербит. Начинаю с места в карьер. Может быть, из-за этого дневника.

Тина открыла рот, полный кривых зубов. Сарказм был очевиден, но не настолько, чтобы она могла что-то возразить в присутствии старых клуш. Они считают себя “все еще привлекательными”. С возрастом самооценка быстро понижается. В отличие от детей, у которых она с годами повышается.

воскресенье 20 января

Нам, старикам, кризис нипочем. Согласно расчетам одного солидного института, одинокий пенсионер улучшает свое благосостояние на целых 2 (два!) евро в месяц.

Посеял панику, подняв много шума из ничего, Хенк Крол со своей партией “50 плюс”. Прошлой осенью на выборах его сторонники в нашем доме имели значительный перевес. Он получил бы еще больше голосов, но, к сожалению, многие из наших жильцов имеют зуб на геев.

С другой стороны, господин Хагедоорн голосовал за “50 плюс” только потому, что считал Хенка Крола братом Рюда Крола. Тот же Хагедоорн в свое время интересовался, не приходится ли Наото Кан, бывший премьер Японии, родственником Виму Кану. Люди с быстро растущей пенсией и пенсионеры-досрочники впредь будут получать меньше, но иметь все больше. Впрочем, здесь богатые досрочники не водятся.

Бережливость здешних обитателей достойна изумления. Откладывают даже из прибавки к пенсии, Бог весть для чего.

В прошлом году на один дом престарелых выпали миллионные выигрыши в почтовую лотерею. Многие из победителей до смерти замучились из-за возни с этими деньгами.

Лично я стараюсь разбогатеть прежде, чем помру.

В декабре я выиграл в бинго “Календарь Марии”, из коего

узнал, что сегодня, через месяц после самого короткого дня (21 декабря), солнце встало на 11 минут раньше и зашло на 37 минут позже. Надо же. Дело в том, что иногда я страдаю запорами, и “Календарь Марии” висит в клозете. Там же развешены хрестоматийные цитаты из Библии, а также рецепты, афоризмы и анекдоты. Завтра 21 января – день Святой Агнессы, монахини и мученицы, скончавшейся в 304 году. Для вашего сведения.

В газете снова стеб об умственно отсталом парне, прикованном к стене своего оздоровительного учреждения. А почему он там сидел, не написано. Я полагаю, он регулярно съезжает с катушек. У нас в отделении для маразматиков живут старики, которые едва могут стоять на ногах или драться, но лежат, привязанные к койке, и дергаются, как циркач, забывший свой трюк.

понедельник 21 января

Сегодня моей дочери исполнилось бы 56 лет. Я пытаюсь представить себе, как бы она сейчас выглядела. Но все еще вижу, как стекает вода с бездыханной девочки четырех лет, лежащей на руках соседа. Через несколько секунд они приблизятся, и эти секунды не пройдут никогда. Пятнадцать или двадцать лет я вспоминал о них каждый день.

Всем запрещено выходить из дома: метель!

Еще более мрачная новость: у Дёйкера диабет. Дёйкер –

сахар, плохая рифма. Началось это давно. Эверт не слишком точно соблюдал предписания врача, и ассистентка доктора очень деликатно дала ему это понять.

– Да, господин Дёйкер, если вы и дальше будете так напиваться, так неразумно объедаться и курить, я, разумеется, ничем не смогу вам помочь.

– Вот незадача. Это как раз те немногие вещи, которые еще придают жизни прелесть, милая девушка.

– Я вам не девушка.

– И не доктор, госпожа ассистентка.

Все же Эверт немного струхнул. Раньше он частенько заглядывал в соседнее кафе, где свел знакомство с одним толстым завсегдатаем. У того был повышенный сахар и вечерняя “норма”: двадцать пять кружечек. После чего дома он принимал на грудь еще парочку стаканчиков виски. Он всегда употреблял уменьшительные формы, чтобы звучало безобиднее. Настал день, когда у этого приятеля почернел большой палец на ноге. Пришлось его ампутировать. Потом еще и еще. Потом ампутировали ступню, потом ногу. Все, что чернеет, нужно убирать, сказали в больнице. Они желали ему добра. Славный был парень, но продолжал пить и курить, и остановить его было невозможно. Некоторое время он приходил в бар на протезе и сидел у стойки, пока не пересел в инвалидное кресло и больше не смог туда приходить. Через два месяца он умер.

Эверт представляет себе страшную картину: его конечно-

сти постепенно чернеют, и он попадает во власть докторов и санитаров.

Завтра снова напишу о чем-нибудь веселом.

вторник 22 января

Снова шум из-за платной парковки. Вечно недовольный господин Кёйпер подал в жилищный комитет заявление с требованием учредить в доме платную парковку.

Теперь почти никто не ходит просто с палкой. Зато большинство толкает перед собой такую колясочку на четырех колесиках, с ручным тормозом и встроенной сумкой для покупок. Если ты устал, можешь на ней посидеть-отдохнуть. Очень немногие ездят на скутмобиле, даже по дому. Такой транспорт занимает довольно много места. И становится все престижнее. Это статусный символ. Дирекция, опасаясь пробок, попыталась всячески ограничить использование ходунков и инвалидных кресел в помещении. Что было встречено в штыки всеми хромоногими. Но когда Кёйпер предложил (в точности как мэрия Амстердама) ввести платную парковку, чаша терпения переполнилась. Кёйпер в самом деле тронулся умом.

Наш приют был построен в конце шестидесятых, когда дети оказались слишком заняты, чтобы забирать к себе старых родителей. Или им попросту стало неохота. И я буду последним, кто покатит на них бочку. В общем, сорок лет на-

зад дома престарелых стали вылезать повсюду, как грибы после дождя. И какой был прекрасный замысел! Каморки площадью аж двадцать четыре квадратных метра, включая санузел и кухоньку. Супружеские пары получали восемь дополнительных квадратных метров, для отдельной спальни. За двадцать лет в домах дважды произвели косметический ремонт, но они остались слишком тесными. Никто же никогда не принимал в расчет колесного транспорта. В лифте могут одновременно поместиться только два скутмобиля или четыре ходунка. Чтобы их вкатить и выкатить, каждый раз уходит четверть часа. Да еще все ноги отдавишь, пока торчишь перед лифтом, когда людям нужно выйти. Директриса решила вопрос, предоставив персоналу отдельный лифт. Поэтому очереди у остальных лифтов стали еще длиннее. Приходится раньше выходить из дома, чтобы вовремя прибыть к месту назначения? Вам предоставят расписание транспорта.

Я до самого последнего времени пользовался лестницей, но сейчас мне это уже не под силу, и я волей-неволей тоже регулярно стою в очереди.

Если здесь внезапно начнется пожар, все жильцы будут кремированы заживо. Эвакуироваться успеет только персонал.

среда 23 января

Я как бы вскользь справился у доктора, может ли он про-

писать таблетку, которая кладет конец всем мучениям. Он сделал вид, что не понял. Или впрямь не понял: “Такого лекарства, увы, не существует”. Продолжать расспросы я не рискнул.

Впрочем, мой список мучений произвел на него впечатление: недержание, боль в суставах, головокружение, отеки, экзема. Только он мало что может с этим поделать. Разве что где-то смазать, где-то наложить компресс, здесь пилюлька, там примочка. Он даже нашел кое-что новое: высокое давление. Такого у меня еще не было. Теперь и от него придется принимать таблетки.

Скончалась самая старая обитательница дома, госпожа де Ганс. Правда, она соображала не больше, чем золотая рыбка, и обычно ее привязывали к стулу, иначе она постоянно падала. Но все-таки гип-гип-ура: прожила девяносто восемь лет. Свидетельница Первой мировой войны.

Три месяца назад у нее был день рождения, и советник местной управы прислал ей торт. Как старейшей жительнице округа. Ее усадили за стол, чтобы сфотографировать для местной газетки, но недосмотрели, и в самый неподходящий момент она уткнулась личиком в торт со взбитыми сливками. Роскошный получился снимок. К сожалению, директриса категорически воспротивилась его публикации. Советник, который обожает любоваться своими фотографиями в газетах, прислал новый торт. Но госпожа де Ганс к тому времени уже заснула, и разбудить ее не было возможности. А

теперь ее вообще никогда никто не разбудит. Не такая уж большая разница между сном до и после смерти.

Я думаю, что не пойду на кремацию. Вряд ли выдержу.

четверг 24 января

Настроение в доме не улучшается. Уже неделю вокруг лежит снег и дует резкий восточный ветер. Поэтому все сидят дома и злятся, что нельзя выйти на улицу. Короткие ежедневные прогулки и мелкие покупки – это действия, которые, так сказать, скрашивают жизнь. Если они отпадают, остается еще больше времени для взаимной слежки. Нужно же чем-то заполнить день.

Вчера я все-таки попытался подышать свежим воздухом и вышел посидеть на лавочке рядом с парадным входом. Через несколько минут мне через консьержа дали понять, что это непозволительно. Синий от холода старик у двери заведения – сомнительная реклама.

- Вы ведь можете смотреть на улицу в окно.
- Свежий воздух, – только и пробормотал я.
- У вас нос посинел, господин Грун, у вас синий нос.

Господин Хоогдален вот уже несколько месяцев ездит на скутмобиле. Три дня назад его сын, автослесарь, забрал его машинку в свою мастерскую и сегодня утром вернул. В лучшем виде. Подкрылки, широченные шины, навигатор, клаксон, аудиосистема с динамиками и, как вишенка на торте,

подушка безопасности. Все это не пригодится, но оттого не менее красиво. Хоогдален, гордый, как павлин, разъезжал на своем инвалидном “ламборгини” по дому. Разумеется, вызывая кислые комментарии завистников, но, к счастью, и явное восхищение. Так и надо: продолжать жить и делать то, что нравится.

После Мамалу, чья кончина вызвала здесь глубокую скорбь, скончалась вторая знаменитость Нидерландов – Эллен Блазер, режиссер ТВ, у которой, между прочим, снималась Соня Баренд. Одна из немногих звезд, известных только по имени. “А как она, собственно, выглядела?” – спросил кто-то вчера вечером за кофе. Никто не знал. И всем вдруг расхотелось на эту тему острить.

Быть может, лучший способ быть знаменитым – признание друзей и знакомых.

В утренней газете поместили некролог Эллен. Интересно, чьи некрологи у них уже заготовлены? Если позвонить в какую-нибудь газету и задать этот вопрос, что они ответят? А еще интереснее, что они скажут, к примеру, Нельсону Манделе, если он вздумает заранее просмотреть свой некролог и кое-что в нем исправить.

пятница 25 января

На этот раз пронесло. Какой-то мопед чуть не сшиб меня с тротуара. Я отшатнулся и в следующий миг во весь рост

растянулся на земле.

В таких случаях срабатывает естественный рефлекс: “Делай вид, что все в порядке”. И рефлекс сработал отлично. Я каким-то чудом поднялся, стряхнул снег с куртки и огляделся, не видел ли меня кто-нибудь. К счастью, несмотря на повреждения, я сумел доковылять до дома. При виде меня у консьержа отвисла челюсть.

– Что с вами случилось?

– Ничего особенного. Слегка поскользнулся.

– Ничего особенного? Вы же весь в крови.

Я потрогал то место на голове, на которое он указывал. Оно и впрямь было липким. Вызвали медсестру, она сразу наложила повязку. Дело кончилось тем, что я с окровавленной головой полтора часа проторчал в травмпункте, а теперь с белым тюрбаном на голове торчу у себя в комнате, дабы избежать нравоучений. Все начинают с сочувствия: “Вам очень больно?” Но рано или поздно кончают советом: “В такой гололед нельзя выходить на улицу”. После чего голова моя совсем раскалывается.

Пришел Эверт, подсыпал соли на рану.

– А этот белый тюрбан тебе очень даже к лицу.

Если рассыпная соль окажется в дефиците, Эверт пустит в ход свой персональный запас. В отместку я обыграл его в шахматы. Обычно я стараюсь, чтобы матч закончился вничью: одну игру выигрываю, другую сдаю, но на этот раз я через четверть часа поставил ему мат.

– Травма пошла тебе на пользу, – заметил он. – Во всяком случае, в смысле шахмат.

Я сказал, что завтра обыграю его в бильярд.

– У тебя и впрямь отшибло память, Хенк. Бильярд только через три дня.

Он сравнивал счет. А я, как всегда, остался в дураках.

суббота 26 января

В последнюю субботу каждого месяца – вечер игры в бинго. Ключющие носом сонные старики сражаются за жестянку вишневого драже. Председательница жилищного комитета самолично выкрикивает номера. И попробуй только сказать ей словечко поперек. Если выпадет номер сорок четыре, госпожа Слотхаувер непременно произнесет “Сорок четвертый – год голодный” и окинет зал изумленным взором.

Недавно инициативная группа предложила перенести бинго на вечер среды, дескать, в субботу бывает много семейных посещений. Но это неправда. Истинная причина, вероятно, субботние телепередачи. Клуб пения (он по средам) выразил решительный протест и предложил понедельник, но клуб бильярдистов и слушать не захотел. Игроки в бильярд считают более подходящим вечер в пятницу. Это возмутило членов группы “красивых движений”, которые слишком уставали от своей гимнастики, чтобы еще и вечером заниматься утомительной игрой в бинго.

Проведя три заседания, жилищный комитет не пришел ни к какому решению, и тогда наш мудрый Соломон, госпожа Стелваген, постановила: пусть пока все остается по-старому. Отношения между членами комитета заметно испортились. Ножи заточены. Разборки в школах и в интернете давно стали модной темой в газетах и на ТВ, но о разборках в домах престарелых мало что слышно. Считается, что уважаемые старые люди не устраивают разборок. Отнюдь. Проведите здесь денечек и удостоверьтесь, что это далеко не так. У нас здесь имеются настоящие авторитеты. Например, две внушающие страх дамы, незамужние сестры Слотхаувер. Одна из них отвернула крышку солонки, а другая передала солонку своей наиболее беззащитной жертве, госпоже де Леу. И та высыпала соль (с крышкой включительно) в свою тарелку с яичницей. Она с ужасом посмотрела на свое яичко, на пустой сосуд и отвела взгляд в сторону.

– Я здесь ни при чем. Сами виноваты. Вы вообще неуклюжая, – съязвила Слотхаувер, а сестрица ее согласно кивнула.

Понятия не имею, почему они этак себя ведут. Госпожа де Леу, в противоположность своей львиной фамилии, робкая овца. Она (безопасности ради) всегда извиняется за все, что происходит поблизости. Чтобы привлечь внимание к этим издевательствам, кто-то должен сначала совершить самоубийство и оставить записку с ясным указанием на виновника.

воскресенье 27 января

Я пробовал досидеть до конца бинго, но не сумел. Когда разразился скандал из-за пятой премии, упаковки ливерной колбасы ценой в 90 центов, я сказал, что у меня мигрень, и ушел к себе в комнату. Полезная вещь мигрень, всегда убедительна в качестве извинения. Когда я только прибыл сюда и меня еще никто не знал, я сочинил себе головную боль и с того дня много раз ею пользовался. Для этого достаточно немного закатить глаза и потереть лоб. Кто-нибудь всегда спросит, не страдаю ли я мигренями. На это я отвечаю, что “мне нужно прилечь”. И головную боль как рукой снимет.

Я только что вышел из центра медитации. Я заглядываю туда по воскресеньям, когда происходит экуменическая служба.

В одно воскресенье службу ведет пастор, в другое – католический священник. Они оба не бросаются в глаза, потому что почти так же стары, как прихожане. Пастор остроумен. Он принимает Бога с крупницей иронии. Патер – человек старого закала и проповедует ад и вечное проклятье. Большой разницы между ними нет, ведь их вообще трудно понять.

Но имея в перспективе смерть, некоторые обитатели дома все еще упрямо цепляются за веру.

После службы подают хлеб с коринкой и кофе из кофейника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.